

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДОЛЖНОСТЬ ДАРУГА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ДАГЕСТАНЕ

© 2019 г. А.Д. Курбанов^a, М.И. Каев^a

^a Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

Курбанов Ахмед Джабраилович –
доктор исторических наук, доцент, профессор,
кафедра отечественной истории,
Дагестанский государственный университет,
ул. Гаджиева, 43а, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000, Россия.
E-mail: ahmed2005@mail.ru

Каев Микадад Ильясович –
студент,
исторический факультет,
Дагестанский государственный университет,
ул. Гаджиева, 43а, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000, Россия

Для управления отдельными областями в монгольском государстве использовался институт наместников даруга, который просуществовал во многих землях и после распада осколков некогда единого государства. В обязанности этих административных работников входил контроль над переписью покоренного населения, раскладка повинностей, сбор налогов и др. В Дагестане эта административная должность получила распространение в первой половине XIII в. и просуществовала вплоть до XVIII в. На основании сообщений дагестанских исторических сочинений, а также иных источников в исследовании прослеживается эволюция правового статуса и полномочий данного должностного лица. Значительное место в статье занимает перевод, анализ и интерпретация материалов, собранных дагестанским просветителем Али Каевым, изданных ранее на лакском языке.

Отдельной составляющей исследования является тема происхождения самого термина «даруга», где предлагается иная, в отличие от устоявшейся в исторической науке, версия. В основе системы наместничества, по предположению авторов, лежали среднеазиатские традиции государственного управления, которые были заимствованы и в новых условиях отражали интересы господствующей монгольской элиты. При этом бесспорно и влияние исламских советников на создание этой системы.

Ключевые слова: даруга, баскак, наместник, статус, Гази-Кумухское шамхальство, ханство, Дагестан, Северный Кавказ.

В начале XIII в. в глубинах Азии образовалось монгольское государство во главе с ее основателем Темуджином (Чингис-ханом), сыгравшее значительную роль в истории народов Евразии. В довольно короткий промежуток оно объединило под своей властью многочисленные народы, превратившись в одно из крупнейших государств эпохи средневековья с центром в Каракоруме.

По мере присоединения новых территорий Чингис-хан и его потомки были заинтересованы в контроле над завоеванными странами и народами, вследствие чего ими назначались ответственные за охрану общественного порядка и сбора дани. Последние – представители ханской власти на местах – известны под титулом даруга или баскак. География распространения титулов

обширна – от Китая на востоке и до Кавказа и Восточной Европы на западе.

В исторической литературе утвердилось мнение, что данный титул имеет монгольское происхождение, и таким образом уже исключалась возможность поиска его корня в других языках. Однако социально-политические термины тюрко-монгольских документов имеют в том числе и иные корни. В частности, исследователь-тюрколог А.А. Сатыбалов отмечал, что эти термины «...эпохи феодализма изучались без привлечения языков народов северо-восточного Кавказа, в которых сохранились интересные данные, расширяющие наши представления» [1, с. 180].

Цель данного исследования – проследить происхождение титула даруга, правовой статус

и полномочия должностного лица с данным титулом в Дагестане, а также время его (*титула*) возможного проникновения.

Как уже было отмечено, в исторической литературе утвердилось мнение, что данный термин монгольский по своему происхождению [2–5] *daruraci=daruuya+суффикс ci*, где *daruuya=daru* (давить)+*ya*, т. е. даругачи, это – «подавляющий неповиновение»; таким образом, в функции даругачи входил контроль за исполнением приказов и распоряжений монгольской власти на завоеванных территориях. В русских летописях этот термин фиксируется в нескольких вариантах – «даруга/дарога/дорога». Тюркским синонимом ему является слово «баскак», в корне которого лежит тюркское слово «bas», что означает «подавлять» [6, с. 161]. Но среди исследователей нет единого мнения и в вопросе тождества этих терминов. В частности, С.А. Маслова считает, что «соотношение должностей баскаков и даруг – принципиальный вопрос для понимания системы власти монголов в покоренных странах» [4, с. 23; 7, с. 81].

К числу сторонников того, что титулы даруга и баскак – это разные институты монгольской власти, можно отнести С.А. Маслову, И.Н. Березина, Г.С. Саблукова, А.Н. Насонова [4, 8–10], к числу проводивших между этими терминами знак равенства – Б.Д. Грекова, А.Ю. Якубовского, А.П. Григорьева, Р.Ю. Почекаева и И.Н. Почекаеву, И.Х. Камалова [11–14].

Наиболее ранние упоминания этого титула в монгольских источниках относятся к событиям 1214 и 1215 гг. В первом случае – в связи с подготовкой Чингис-ханом военного похода в Китай и назначением монгола Амбагая из клана Бургудай даругачи катапультных работ всех округов [4, с. 24; 15, р. 237–255]. Во втором – назначение Чингис-ханом даругачи в Северном Китае Джрафара, выходца из Средней Азии, после взятия Пекина [6, с. 31–32], и третьем (возможно, относящемся к 1213 г.) – назначение уйгура Юйлинь Темура «главным даругачи Хонана и других областей» [4, с. 24; 15, р. 237–255].

В последующем данный титул упоминается в монгольских источниках в связи с событиями в Средней Азии, и обусловлено это также назначением монгольских наместников-даругачи в завоеванных городах и регионах [16, с. 189].

О перечисленных выше назначениях прежде всего сообщается в источниках «Сокровенное сказание» и «Хроника Юань-ши» [17]. Однако нельзя не принимать во внимание, что они по-

явились позднее сообщаемых в них назначений. К тому же в «Юань-ши» широко используются некитайские имена, названия местностей, должностей и бытовых реалий некитайских народов [17, с. 17].

В обязанности даругачи/баскаков входил контроль над переписью покоренного населения, раскладка повинностей, которые включали в себя набор в войска, сбор налогов, доставку их ко двору правителя и обеспечение ямской службы [10, с. 14]. Следует иметь в виду, что на Руси даругачи/баскаки в свою очередь делились на «великих» и «простых» [18, с. 71], что не исключает подобного и в других частях Империи.

Любопытные сведения о функциях даругачи/баскаков приводит Плано Карпини: «Башафов (баскаков. – А.К., М.К.), или наместников, своих они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться (местные владетели, которым монголы разрешили вернуться в свои владения. – А.К., М.К.); как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они не верны татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуется упомянутая земля, и внезапно бросаются на них» [19, с. 16].

При анализе данного сообщения нетрудно заметить, что автор явно смешал вооруженные силы как самих даругачи/баскаков, так и карательные отряды, присыляемые по их просьбе из метрополии. Но эта ошибка знаменитого путешественника не меняет сути нашего понимания двухуровневой системы управления монгольской державы, в которой имелись как местный вассал, так и контролирующий его даругачи/баскак, в обязанности которого входило беспрекословное выполнение общеимперских мероприятий [20, с. 157].

Двухуровневая система управления монголов на завоеванных территориях была создана при деятельном участии советников Чингисхана – китайца Елий Чу-цая и Махмуда ал-Хорезми. Первый из них сумел убедить Чингис-хана создать систему государственного профессионального управления, с чем тот согласился, и «оставил его около [себя] для советов» [21, с. 73]. Но при этом он не упускал из виду вопрос и о действенности контроля над многочислен-

ными чиновниками империи. В разрешении этой проблемы Чингис-хан нашел опору в лице советников, принадлежащих исламской традиции государственного управления, в большинстве своем выходцев из Хорезма. Как известно, в государстве хорезмшахов одной из главных проблем было сохранение контроля центральной власти над многочисленными, недавно завоеванными землями, где продолжали править местные династии, признававшие над собой власть Хорезмшахов-Ануштегинов, которые в своей политической практике широко использовали институт заложничества. Монголы после завоевания Средней Азии широко применяли подобную практику на первых этапах завоевания, в том числе и при покорении русских земель. Сведения об этом содержатся как в русских летописях, так и в специальных исследованиях [10, с. 31; 22, с. 370].

Созданная монголами система даругачи/баскаков стала эффективным способом контроля над чиновниками и феодалами на местах. В ее основе лежали среднеазиатские традиции государственного управления, которые в новых условиях отражали интересы господствующей монгольской элиты. При этом бесспорно и влияние исламских советников на создание этой системы. Неслучайно и то, что первым советником Чингис-хана в деле управления покоренными осёдлыми территориями станет известный в источниках Махмуд Яловач [20, с. 157–158]. Из анализа первого состава даругачи/баскаков видно, что он в основном набирался «из сартаульских людей» [23], уйгуротов [24, с. 176–177], принявших ислам еще в 920 г., а вместе с ним и среднеазиатские традиции управления.

Известно также, что монгольская письменность и канцелярская практика были созданы уйгурами и вводились с помощью уйгурских чиновников и писцов [25, с. 64], следовательно, сам термин «даруга» в монгольский язык мог попасть из уйгурского, к тому же, тюркское окончание термина на «чи», явно свидетельствует об этом.

Известный исследователь Г.А. Фёдоров-Давыдов также придерживается мнения, что система «даругачи/баскаков существовала в Средней Азии еще в домонгольское время» [26, с. 30].

Историк А.П. Григорьев, справедливо ставя знак равенства между терминами «баскак» и «даруга», считает, что они «были мусульманскими купцами-откупщиками, видимо, персами по происхождению» [12, с. 24].

Исследователь А. Каяев в 1934 г. высказал осторожное предположение о трансформации этого термина в статье «Даруга. [Дарувгъя]. Монгольский даруга. [Мангъул дарувгъя]» [27, с. 147]. Эта статья содержит и другую ценную информацию, поэтому приводим ее текст без сокращений.

«Монголы времен правления династии Чингизидов назначали в отдельные области своих наместников, которых именовали даруга. Лакские ханы в старину подобным же образом назначали своих наместников в отдельных селах Кюры [28] и в самой Лакии [29]. Этих наместников также называли даругой. К примеру, в селении Хосрех [30] ханы назначали даругу, происходившего из сословия ханских рабов [31]. При этом он наделялся очень большими полномочиями и правами. Возможно, слово “даруга” видоизменилось от слова “дар-агъя”. В переводе с персидского слово “дар” означает “дом”, а слово “агъя” в переводе с тюркского – “господин”, “хозяин”. Значит, термин “дар-агъя” надо понимать в значении “управляющий делами господского (ханского) дома”. Даруга чинили насилие над населением бедных сел и особенно над раятами [32] селения Хосрех не меньше, чем ханы, а порой в своих притеснениях и в гнете превосходили их» [27, с. 147].

В подтверждение предположения А. Каяева обратимся к русско-персидскому словарю, где «царский двор» или «хозяйство» переводится как «darbar» [33, с. 123]. Таким образом, версия исследователя о трансформации термина «даруга» выглядит более убедительнее. К тому же нельзя исключать и следующие обстоятельства:

1. В рамках алтайской языковой семьи лингвисты чётко выделяют три основные группы языков: тунгусо-маньчжурские, монгольские и тюркские. Известно, что к XI в. различия между ними были уже значительными, хотя всё еще сохранялись следы общей лексики. Специалисты отмечают, что существовали еще племена смешанного происхождения, выбиравшие себе язык, принадлежащий к той или иной из выше-перечисленных групп. При этом они сохраняли в своих подразделениях второй язык. Так, например, исследователь Шан Юэ, опираясь на данные китайских источников, сообщает о монгольских и монголоизированных тюркских племенах, принадлежащих к группе дунху-шивай [34, с. 353]. Из текста «Сокровенного сказания» также видно, что между монголами и обитавшими с ними рядом тюрко-язычными племена-

ми языкового барьера практически не было, или они, по крайней мере, были двуязычны [35, с. 17]. Ярким подтверждением данного положения является эпизод, произошедший во время разведывательного похода монгольских полководцев Джэбэ и Субэдэя. Во время встречи монгольских туменов с объединенным войском аланов и кипчаков (половцев) в степях Северного Кавказа монголы предложили тюрко-язычным кипчакам покинуть своих союзников в обмен на безопасность и часть добычи. Кипчаки после недолгих переговоров, убежденные, что они и монголы составляют один народ, предали своих союзников и ушли в свои кочевья [36, с. 26].

2. Как уже было указано, идея создания обширной и разветвленной системы даругачи/баскаки, а также методы и средства управления на завоеванных территориях исходили от исламских советников монгольской элиты, впрочем, сами эти советники были в основном тюркско-персидского происхождения. В этом случае нет ничего удивительного в том, что тюркско-персидско-исламская терминология социально-политической жизни широко распространилась в системе государственного устройства и управления монгольской империи.

Сказанное выше, на наш взгляд, позволяет поставить под сомнение утверждавшееся в историографии мнение о происхождении термина «даруга» из монгольского языка.

Одним из самых ранних письменных упоминаний титула даруга применительно к Дагестану следует считать сообщение из «Дербенд-наме» о назначении Харуном ар-Рашидом правителя Дербента Хафса б. Омара. Халиф, благословляя его на новую должность, дает ему следующее наставление: «Бойся Бога и ходи [в мечеть] совершая пятничные молитвы. Ничего не предпринимай, не посоветовавшись. Все дела Дербенда в твоих руках; если ты совершишь предательство, станешь нерадив в борьбе с неверными или будешь угнетать народ, я даю право народу Дербенда свергнуть тебя. Я поручил Абду-л-Малику б. Аглабу быть надзирателем (назир) над тобой. Я назначил его командующим войском (сар-лашкар) и даруга, так как он наш верный человек» [37, с. 40, 63].

Заметим, что «Дербенд-наме» датирует это событие 796 г., а между тем термин «даруга» мог появиться в Дагестане не раньше XIII в. На это обстоятельство обратил внимание еще В.Ф. Минаевский. По его мнению, название местных должностей в данном источнике явно позднего

происхождения [38, с. 165]. Историческое сочинение «Дербенд-наме», принадлежащее перу Мухаммеда Аваби Акташи, по мнению В.В. Бартольда, было составлено в конце XVII в. по поручению дагестанского князя Чупан-бека [39, с. 475]. Автор «Дербенд-наме», применяя термин «даруга» к событиям 796 г. в Дербенте, видимо, исходил из реалий современного ему общества, когда этот термин был уже широко известен и занимал почетное место в системе феодальной иерархии Гази-Кумухского шамхальства. По нашему мнению, появление этого титула и связанных с ним полномочий в шамхальстве относится ко времени утверждения власти монголов в регионе в 30–40-х гг. XIII в. Не исключено и назначение даруга/баскака в качестве наместника в Дагестане для осуществления контроля прежде всего за деятельностью шамхала.

Упоминается данный термин и в связи с походом Тимура в конце XIV в. на селения [области] *Дарга* [40, с. 59–60]. По мнению ряда исследователей, название *даргва/даргалу* даргинцев имеет «географическое или политico-экономическое значение» и восходит к «тат. *Даруга* или диал. *Даргуа* «пристав или надсмотрщик» [41–43].

Следующее его упоминание мы встречаем в труде А. Олеария, который в 1636 г. в составе дипломатической миссии был отправлен в Персию. Обратный путь проходил по маршруту Шемаха, Дербент, Тарки, Терки. Находясь в Тарках, он встречался там с должностным лицом, который именуется «даруга (или начальник) города Тарку» [44, с. 121].

На функционирование должности даруга на равнинных землях Гази-Кумухского шамхальства одним из первых в дагестанской историографии обратил внимание А. Каяев. Исследователь сообщает: «Селение Тарки (Таргъу), расположенное рядом с Махачкалой, в старину кумыки называли Азайни. Лаки также называли это селение Азайни или Азайми. Наименование селения Таргъу похоже на слово “таргъа”. Термин “таргъа-даргъа” во времена монгольского владычества применялся по отношению к значимому правителю (хаким) в ранге губернатора. По моему мнению, название селения Азайни сменилось на Таргъу под влиянием термина “таргъа-даргъа”» [45, с. 237–238]. Б.Г. Малачиханов также считает, что название селения «Таргу» относится к разряду слов, принадлежащих тюркско-монгольской культуре, представляя из себя вариант монгольского слова «даруга» [46, с. 199].

По наблюдениям А.А. Сатыбалова, «названия кумыкского сел. Дёргёли, аула сел. Таргъю «Дёргёли-аул» расшифровываются в системе монгольского языка [1, с. 188]. В сел. Дёргёли, видимо, жил сам Дёргё (начальник), или селение облагалось данью в пользу Дёргё. Основанием для второго предположения послужили, по А.А. Сатыбалову, данные доклада Сословно-поземельной комиссии царского правительства от 7 июля 1913 г. «Согласно докладу, сравнительно недавно мугалы Закатальского округа, помимо уплаты малжагата (малжагат – известная доля урожая зерна) и кесамата (определенного количества хлеба, вносимого ежегодно независимо от урожая) платили ещё даргалуг с каждого дыма или сохи в пользу бекского управляющего, отмеривающего малджахат. Следовательно, в Закатах крестьяне со своим беком общались через посредство этого дарга + лык, по типу бий + лик» [1, с. 188].

Проживание в Дёргёли указанного должностного лица исследователь объясняет следующими историческими фактами: «Аулы селения Таргъю расположены на склоне возвышенности в следующем порядке: на самом верху – двор шамхала, ниже – Чагъар-авул, т.е. аул крепостных крестьян шамхала. Ниже чагъаров и выше остальных аулов был расположен аул, называемый Дёргё-ли-аул. Нам кажется, что расположение Дёргё-ли-аула выше всех остальных аулов и ниже двора шамхала и его чагъаров говорит о том, что до переезда шамхала и их чагъаров в XVI веке из Кази-Кумуха, селением Таргъю управлял дарга (даргу или дёргё) золотоордынского периода, а после переезда шамхалов и их чагъаров, дёргё (даргу) играл подчиненную роль, роль сборщика дани и надсмотрщика над аулами, расположенными ниже Чагъар-аула шамхала» [1, с. 188–189].

Небезынтересно, что термин «дёргё» в несколько иной замаскированной форме встречается в одном из источников по истории Дагестана [47, 48]. Он сообщает о вооруженном столкновении андийцев [49] с баклуляльским [50] князем Турулавом, в ходе которого последний был убит. Наше внимание к источнику продиктовано исключительно из-за титула правителя Анди, который в нем приводится в следующей форме: «Амир области Андал, султан Алибек, титулованный как дорга-нуцал, прозванный шамхалом» [48, с. 37]. Как видим, в данном тексте к одному лицу прилагаются несколько титулов, что требует объяснения. Титулы амир, сул-

тан традиционно применяются к феодальным владельцам Дагестана, они широко известны, что избавляет нас от комментариев. Кроме того, в двойном титуле дорга-нуцал в первой его части «дорга», безусловно, видится измененный на местной основе титул даруга или дёргё, как его дает А. А. Сатыбалов. Вторая часть титула «нуцал» в переводе с аварского означает князь, владелец [51, с. 362]. Мы предполагаем, что титул «дорга-нуцал» носили правители Андии в период ее нахождения в составе Гази-Кумухского шамхальства. Приставка же «шамхал» к титулу Али-бека может означать, что он и его предки вели свое происхождение из владельческого дома шамхалов. В период возвышения Гази-Кумухского шамхальства, согласно хронике «Тарих Дагестан», андийцы платили шамхалу восемь бурок и одного быка ежегодно. Можно предположить, что именно в этот период в Андии обосновались представители рода гази-кумухских шамхалов, подобно тому, как это было в Гидатле, Андалале, Шиназе [52, с. 117] и других регионах Дагестана.

На то, что в андийских селах проживают выходцы из шамхальского дома, обращали внимание исследователи Д.-М. Шихалиев [53, с. 15], Е. М. Шиллинг [54, л. 101], Х. М. Хашаев [55, с. 137]. Это подтверждается и тем фактом, что в конце данной рукописи имеются две приписки. Первая из них гласит: «Я переписал это с собственноручной записи Ахмад-хана б. Пир-Мухаммада б. Хачи б. Умара – сына эмира Нурава, сына султана Али-бека, называемого дорга-нуцалом, обосновавшегося в Андии, а проживающего в селении Верхний Гагатль; [записи], которую он написал в тысяча двести тридцать первом году по хиджре», соответствует 1815–1816 гг. Вторая запись сообщает: «Языком наших предков, начиная от Султан-Али-бека и до Хаджику, был язык равнинцы. Хаджику [первым] заговорил на андийском языке. Что же касается наших предков [живших] до Султан-Али-бека, то они говорили на языке своих дедов-арабов. Это соответствует тому, что написал Пир-Мухаммад б. Хачи» [47, с. 130–131].

Известный дагестанский этнограф М.А. Агларов отмечает, что в XVIII в. андийцы уже не управлялись выходцами из рода шамхалов, но он считался одним из самых почетных родов в Андии [48, с. 153].

С. Ш. Гаджиева сообщает, что в этот род входят следующие группы: 1. Даргалал (*Доргагал*); 2. Мирзалал; 3. Дибирилал; 4. Дулдуулал;

5. Казаналипал; 6. Ункалал; 7. Рашиханилал; 8. Изалал. Дарга, который дал свое имя первой группе, по примерному подсчету старейших андийцев, жил в начале XVIII в. [56, с. 135].

Историк Г. Д. Даниялов отмечает, что еще в конце XIX в. среди андийцев были люди, претендовавшие на происхождение от шамхалов и предъявлявшие царской администрации свои родословные, доходящие до начала XVII в. [57, с. 31–32]. Отзвуки былого функционирования должности даруги, на наш взгляд, сохранились в Анди в названии квартальных исполнителей «доргъахъол» [58, с. 170].

Весьма интересное предание о должности даруга в сел. Кая Аштикулинского наибства [59] содержит рукопись неизвестного автора «Обычаи и нравы Дагестана» [60]. Предание гласит: «...596 лет тому назад из Алеппо в Дагестан перешел один богатый человек, называвшийся Шариф-беком. Он избрал своим местом жительства селение Кая, в котором в то время находилось до 300 дворов. Впоследствии Шариф-бек за свои личные качества был избран даругой/сельский начальник/. Шариф-бек за свой счет обнес селение Кая каменной стеной с двумя широкими воротами, затем, постепенно за-бирая в свои руки власть, стал выступать против соседних ханов...» [61, с. 12].

Приведенное предание явно несет в себе черты легендарного характера. Дату появления даруги в сел. Кая надо понимать как просто «незапомятно давние времена». Сведения же о вооруженной борьбе даруги с «ханами» содержат в своей основе глухие, замаскированные временем отзвуки вооруженного противостояния местной феодальной знати и ставленника монголов – даругачи/баскака.

Интересно отметить, что титул «даруга» и связанные с ним полномочия сохранились в Дагестане вплоть до XIX в. Сведения об этом содержатся в работе А. Каяева [45]. Хотя в основном они датируются XIX в., но, по нашему мнению, они отражают положение даруги в более ранний исторический период. Термину «даруга» в этой работе посвящены три статьи – «Подати селения Хосрех [Хъусрацияса магъала]», «Даруга [Даругъя]» и «Доходы даруги [Даругъанал дахутIру]».

Учитывая, что перечисленные выше статьи посвящены теме сбора налогов и связанным с соответствующей должностью полномочиями, мы сочли возможным опустить часть дублируемого текста.

В статье «Даруга [Даругъя]» автор проводит параллель, сравнивая полномочия даруги с полномочиями современных наместников и губернаторов.

Заслуживает внимания и замечание А. Каяева о том, что «...беки, зажиточные люди (авадантал) и рапты – все должны были быть покорны даруге. Прежде чем приступить к сельскохозяйственным работам на своих полях, они должны были начать и закончить их на земельных наделах, принадлежащих даруге, то есть начать пахоту и сев, закончить сбор урожая, и заготовку сена в хозяйстве даруги. По его приказу также заготавливались сено и масло для хозяйства хана. И только после этого они могли приступить к работе на своей земле. В результате хозяйствам хосрехцев наносился тяжелый урон: они не успевали вовремя закончить сельскохозяйственные работы на своих полях, заготовить сено и другие продукты на зиму. Хан по прибытии в Хосрех останавливался только в доме даруги. Однако для его угождения съестные припасы (каччан) [62] – вино, хлеб, мясо, сыр и другие продукты – собирались со всего селения. К хурджинам с принесенными припасами никто не имел права прикоснуться, пока жена даруги не открывала их.

Горы на территории ханства, расположенные в стороне Хосреха, находились под управлением даруги. Он отдавал их в аренду различным лицам. Он же обеспечивал поддержание порядка и закона во время аренды этих гор. Люди, прибывшие в горы из различных областей для содержания скота, находились под покровительством даруги. Он обязан был обеспечить их защиту и пресекать кражи и угон скота» [45, с. 259–260].

В этом тексте в сообщении о подчинении беков и состоятельных поселян (авадантал) власти даруги, на наш взгляд, сохранились косвенные указания на бытую двухуровневую систему управления, в которой имелись как местный вассал, так и контролирующий его даругачи-баскак.

Статья «Подати селения Хосрех [Хъусращилса магъала]» детализирует размеры податей в пользу хана и даруги: «На жителях селения Хосрех [Хъусрачи] следующая подать [магъала]: с каждого дома селения в пользу хана два дятла [63] сыра и один дятл масла. С каждого двух домов по одному паласу [ххютI] [64].

Паласы принимались строго по размеру. Если размер паласа не соответствовал стандарту [дуциндара], его не принимали.

Во время правления Чолак Сурхай-хана [65] для сбора паласов в Хосрех приезжали Карат Шаринский [66] и Данд Тюхчарский [67].

Кроме податей хану хосрехцы вносили подати и даруге [даругъя]. С каждого дома селения даруге вносились два с половиной ссалу [68] зерна. Также раяты Хосреха были обязаны выполнять все сельскохозяйственные работы на землях даруги: пахать, сеять и собирать урожай, один раз в году были обязаны выходить на сенокос в пользу даруги. Ни один стебель сена не заносился в селение, пока из каждого дома арба с сеном не доставлялась в хозяйство даруги. Тех, кто противился выходить на работу в хозяйство даруги, ханские рабы, избивая палками, выгоняли в поле. К тем, кто отказывался вносить подати даруге, применяли силу.

Ханские рабы податями не облагались. В их обязанности входил только контроль над работой раятов. Хан, приезжая в Хосрех, останавливался только в доме даруги. Для угощения хана съестные припасы (каччан) собирали со всех домов селения: глиняные кувшины [къукъу] с бузой [кици] и медовыми напитками [мачча], масло, сыры и другие продукты...» [45, с. 4–5].

Статья «Доходы даруги [Даругъанал дахутИру]» наиболее информативна. В ней сообщается «...часто ненасытный и алчный даруга прогуливаясь по улочкам селения с железной палицей в руках, наводил страх на раятов, приговаривая: “Пусть убережет Всевышний Аллах того, кто попадет под неё и кого она раздавит”» [45, с. 104–105].

Когда до хана доходили известия о неповиновении хосрехцев, он немедленно обрушивал на них угрозы, пугая наказанием. Вот одно из характерных писем с угрозами хана, обращенное к джамаату сел. Хосрех: «К джамаату селения Хосрех! По какой причине вы отказываетесь повиноваться своему даруге? Неужели вы захотели сложить с себя барщину (в тексте бигар-шигар)» [69]. «Это станет возможным, если невозможное станет возможным. С таким положением дел я не согласен. Кроме этого, если вы не будете повиноваться, я подвергну вас такой каре, о которой никогда до сих пор не было слышно. Пока не поздно, сделайте так, чтобы я до завтра услышал хорошие вести – к вам прибудет мой человек. Вассалам» [70].

Даруга обладал не только большими полномочиями, но и пользовался неограниченным доверием правителя. Ханы доверяли ему аренду гор и обеспечение там порядка во время выпаса скота.

Так, например, один барановод из Кайтага, удовлетворенный хорошим содержанием своего скота и порядком на пастбищах, написал государственное письмо даруге, по имени Шейх-Али, следующего содержания: «От нуждающегося в милости Всевышнего Аллаха Хаджи-Мухаммада из Дибаги [71] своему любимому кунаку и доверенному другу даруге Шейх-Али и его семье и близким – мир. И после мира я сообщаю, что ко мне прибыл мой брат Али, который находился на горных пастбищах вместе со скотом. Он мне поведал о том, что наш скот содержится привольно и находится в безопасности. Этим известием я был очень доволен. Пусть и тобой будет доволен Всевышний Аллах! Мой друг Шейх-Али! Я поручаю Аллаху сохранность своих овец и чабанов, находящихся вместе с ними, и все остальное. Затем все это я поручаю тебе. Моя просьба – присмотри за ними, обезопась их от злых людей и от тех, кто может причинить им вред. Пока мы живы, не забудутся твои благодеяния. Вассалам» [45, с. 104–105].

С распадом монгольской империи система даругачи/баскаков также подверглась существенным изменениям. Это было связано с практикой применения этой системы на местах. По мере становления и укрепления власти различных чингисидских династий в своих улусах, происходит слияние монгольского управленческого элемента и местных феодалов в единое целое. На местах ханы стремились сокращать долю имперского центра и тем более долю других чингисидов и тем самым обособляться от империи и устраивать собственное государство с системой управления налогообложения. Начало этого процесса стало заметно уже в первой половине XIII в., но в разных частях монгольской державы он имел свои специфические особенности. Например в Китае, с воцарением династии Юань, институт даругачи/баскаков был ликвидирован. Здесь был востребован опыт управленцев, восходящий к богатым традициям государственного управления Китая. На Руси этот институт прекратил свое существование в XIV в. В Иране, Азербайджане и в Дагестане он с различными модификациями лег в основу местной феодальной системы налогообложения. Здесь должность даруги фигурирует вплоть до первой половины XIX в., функция которой заключается в основном в контроле за работой раятов, сбором налогов и доставкой их ко двору местного правителя.

Литература и примечания

1. Сатыбалов А.А. Социально-политические термины тюрко-язычных документов эпохи феодализма в некоторых языках северо-восточного Кавказа // Ученые записки ИИЯЛ. Махачкала, 1958. Т. 5. С. 186–195.
2. Ковалевский О.М. Монгольско-русско-французский словарь. Казань : Тип. Казанского ун-та, 1849. Т. III. С. 1546–2690.
3. Cleaves F.W. Daruga and Gerege // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1953. № 16. Р. 237–259.
4. Маслова С.А. Даруги и баскаки: соотношение должностей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 23–36.
5. Маслова С.А. Монгольская администрация на завоеванных землях: даруги и баскаки // Исторический вестн. Монгольское завоевание и Русь. 2014. Т. X. (157). С. 80–110.
6. Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголотатар») // Факсимиле ксиолографа / пер. с кит., введ., комм. и прилож. Н.Ц. Мункуева. М.: ГРВЛ, 1975. 288 с.
7. Маслова С.А. Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 154 с.
8. Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева // Тр. восточного отделения Императорского Археологического об-ва. СПб., 1864. Ч. 8.
9. Саблюков Г.С. Очерк внутреннего устройства Кипчакского царства. Казань : Типо-лит. ун-та, 1895. 60 с.
10. Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 178 с.
11. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.
12. Григорьев А.П. Собрание ханских ярлыков русским митрополитам. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 276 с.
13. Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII – XIX вв. СПб. : Евразия, 2012. 383 с.
14. Камалов И.Х. Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию) / пер. с турец. И.М. Миргалеев; отв. ред. А.В. Аксанов. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 304 с.
15. Endicott-West E. Mongolian rule in China. Local administration in the Yuan Dynasty. Cambridge, Massachusetts, 1989.
16. Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol un pīrūča tobèj an. Юань чао би ши : монгольский обыденный сборник. М.; Л. : Изд-во Акад. наук, 1941. 620 с.
17. Храпачевский Р.П. Золотая Орда в источниках. Китайские и монгольские источники. М. : Наука, 2009. Т. III. 336 с.
18. Горский А.А. Утверждение власти монгольской империи над Русью: Региональные особенности // Исторический вестн. Монгольское завоевание и Русь. 2014. Т. 10 (157). С. 60–82.
19. Джисованни дель Плано Карпини. История монголов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М. : Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 272 с.
20. Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М. : АСТ, ЛЮКС, 2005. 557 с.
21. Сун Цзылжэнь. Стела на пути духа Его превосходительства чжун-шу лина Елиой [Чу-цая] // Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М. : Наука, 1965. 224 с.
22. Полное собрание русских летописей. Л., 1926–1928. Т. I. 379 с.
23. Сартаулы (сарты) – общее наименование части коренного населения Средней Азии в XV – XIX вв. До 1917 г. название «сарт» употребляли по отношению к оседлым узбекам и отчасти равнинным таджикам. Слово «сарт» не встречается в источниках домонгольского периода. Оно впервые стало употребляться монголами, которые называли этим именем всех мусульман без какого-либо различия.
24. Хартог Лео де. Чингис-хан. Завоеватель мира. М. : АСТ, Олимп, 2007. 286 с.
25. Вашари И. Многоязычие и культурные взаимодействия в Золотой Орде // Золотоординское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 56–70.
26. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М. : Изд-во МГУ, 1973. 181 с.
27. Къяяев А. Лакку маз ва тарих. (Каяев А. Лаккий язык и история). М. : Наука, 2006. 550 с.
28. Кюра [лезгин. Күьеरे] – историко-географическая область в Южном Дагестане. Расположена на землях, лежащих между р. Самур на юге и областью Табасаран на севере. ТERRITORIALLY в целом соответствует современным Курахскому, Сулейман-Стальскому и частично Хивскому районам Дагестана.
29. Лакия (лакс. Лак, Лакрал къану, Лакрал билаят) – наименование этнотерритории лаков в Нагорном Дагестане. Кумух и Вачи являются двумя административными центрами Лакии, которая состоит из Лакского и Кулинского районов.
30. Хосрех – сел. в Кулинском районе РД. Должность даруги помимо селения Хосрех зафиксирована и в сел. Кая Лакского района РД.
31. Сословие лагов (рабов) в Лакии было неоднородно и подразделялось на две группы: лагов ханских

и узденских. Ханские лаги наделялись правителями полицейскими и административными функциями.

32. Раиаты – податное сословие – жители феодальных владений Дагестана. Сословие раятов в Лакии формировалось, с одной стороны, за счет пленных лагов (рабов), которых феодалы сажали на землю, с другой – путем закабаления разными способами свободных общинников.

33. *Восканян Г.А.* Русско-персидский словарь. М. : АСТ, Восток-Запад, 2008. 876 с.

34. *Шан Юэ.* Очерки истории Китая. С древности до «опиумных войн». М. : Восточная лит-ра, 1959. 579 с.

35. *Кара Д.* Книги монгольских кочевников. М. : Наука, ГРВЛ, 1974. 229 с.

36. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. 558 с.

37. *Оразаев Г.М.-Р.* Дербент-наме. (Румянцевский список). Введ. в период, комм. // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М. : Наука, 1993. С. 6–65.

38. *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента X – XI вв. М. : Восточная лит-ра, 1963. 270 с.

39. *Бартольд В.В.* К вопросу о происхождении Дербенд-наме: сочинения. М., 1973. Т. 8. С. 460–480.

40. *Багомедов М.Р.* Топонимика Дарга: структурно-семантический аспект. Махачкала : Изд-во ДАГГУ, 2013. 347 с.

41. *Ган К.Ф.* Опыт объяснения кавказских географических названий // Сб. статей и материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1909. Вып. 40. Отдел третий. С. 1–164.

42. *Дирр А.М.* Современные названия кавказских племен // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1909. Вып. 40. Отдел третий. С. 1–28.

43. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Монгольский термин друга в постзолотоордынском контексте политической истории Дагестана и Северного Кавказа // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 78–82.

44. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII – XVIII вв. Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1992. 301 с.

45. *Къяяев А.* Лакку мазрал ва тарихал материалу. (Каяев А. Материалы по лакскому языку и истории). Махачкала : Наука ДНЦ, 2010. 488 с.

46. *Малахиханов Б.Г.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане // УЗ ИИЯЛ. Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1965. Т. 14. С. 175–205.

47. *Агларов М.А., Айтберов Т.М.* «Повествование об Али-беге Андийском и его победе над князем Турулавом б. Али-Ханом Баклудальским» как источник

по истории Дагестана XVII века // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала : Изд-во ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1981. С. 121–134.

48. *Агларов М.А.* Андийцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала : Юпитер, 2002. 304 с.

49. Андийцы (экзоэтнонимы андийцы, андал, андии, самоназвание гъваннал) – народ на западе Дагестана. Селения андийцев расположены на южных отрогах Андийского хребта, по левым притокам Андийского Койсу.

50. Баклулал (бакъльулал) в переводе с аварского означает – живущие на солнечной стороне горы. Так называют жителей некоторых сел. Гумбетовского района РД.

51. *Сайдов М.* Аварско-русский словарь. М. : Советская энциклопедия, 1967. 806 с.

52. *Айтберов Т.М.* Об общественном строе рутульцев (конца XVI – начала XVII в.) // Советская этнография. 1981. № 6. С. 112–118.

53. *Шихалиев Д.-М.* Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1993. 140 с.

54. *Шиллинг Е. М.* Очерки по этнографии андийцев // АИЭ. 1948. Д. 7629.

55. *Хашаев Х. М.* Общественный строй Дагестана в XIX в. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 263 с.

56. *Гаджиева С. Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М. : Наука, 1985. 360 с.

57. *Даниялов Г. Д.* Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала, 1970. 293 с.

58. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – нач. XIX в. М. : Наука, 1988. 243 с.

59. Селение Кая (лак. Чайми) расположено в Куринском районе РД.

60. Обычаи и нравы Дагестана // Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 545. Д. 3288.

61. *Абдулмажидов Р.С.* Заметки анонимного автора о Дагестане второй половины XIX в. // ACTA HISTORICA: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию. 2018. Т. I, № 2. С. 7–13.

62. Каччан – лакское слово, практически вышедшее из употребления. Применялось в значении «прорвия», «съестные продукты».

63. Дятал – распространенная в Дагестане мера веса для масла, сыра, меда и шерсти. Один дятал равен 3 кг.

64. ХхютI – это слово употребляется в лакском языке в значениях «грубый домотканый ковер небольшого размера» и «палас».

65. Чолак-Сурхай-хан (1672–1748 гг.) – правитель Гази-Кумухского ханства. Один из главных органи-

заторов сопротивления дагестанских народов агрессивным устремлением шахского Ирана в первой половине XVIII в.

66. Карат Шаринский – сподвижник и полководец Сурхай-хана I.

67. Данд Тюхчарский – сын атабека Абдуллы Тюхчарского, воспитателя Сурхай-хана I. Позже Данд возглавил личную дружину хана.

68. Ссалу – примерно 6 кг зерна.

69. Бигар – это всякие повинности работой, налагаемые правителями и владельцами на крестьян, для

нужд государства. Постройка крепостей и зданий, доставка строительных материалов, прокладка дорог, полевые работы на пашнях и т. д. Шигар – работа без поденной платы. Выражение документа «бигар-шигар» – обычный прием персидской литературной традиции, передавать одно понятие при помощи двух аллитерирующих слов-сионимов.

70. По нашему мнению, автором этого письма является последний правитель Гази-Кумухского ханства – Агалар. Умер в 1858 г.

71. Дибгаши – селение в Дахадаевском районе РД.

Поступила в редакцию

17 сентября 2019 г.